

Геннадий Русаков

Сроки

Геннадий Русаков

Сроки

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Русаков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Р88

Г. Русаков

Р88 Сроки / Геннадий Русаков. – М.: Воймега, 2018. – 132 с.

ISBN 978-5-6040915-7-9

ISBN 978-5-6040915-7-9

© Г. Русаков, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

* * *

То высокосный год, то рыжие у власти.
Всегда чего-то есть, чтоб наперекосяк:
сезонный лесопал и прочие напасти...
А то уже совсем из прошлого висяк.
Поди тут разберись... Не хочется, а надо.
Покоя бы, да он и сниться перестал.
Всё снится абы что: то якобы Канада,
то Гоголь и его сидячий пьедестал.
Но однобокость дней порядком надоела.
В них мало тишины, лишь вечные дожди.
С громами или без, хотя не в этом дело:
я просто перспектив не вижу впереди —
то высокосный год, то рыжие у власти...
Живёшь как в проходной, без цели и корней,
предавшись, как теперь, стихобумажной страсти
и обретая утешенье в ней.

* * *

Поспел горох – лущинные сорта.
Потом наступит время корнеплодов.
Наверно, в том и скрыта красота
и ритуал приреченских народов:
тут помни сроки каждого плода,
не пропусти ни сбора, ни посадки.
А там лежат большие города,
с которых в этом деле взятки гладки.
Что горожанин? Встанет и идёт.
Куда-нибудь, а может, и без дела.
Он от природы ничего не ждёт
и слушает лишь собственное тело.
У нас не так. У нас ты как струна –
всё время слышишь воздуха дрожанье:
что, где и как, какие времена...
Вот так они и ходят, горожане.

* * *

Я с утра влюблён во всех прохожих
из-за их таких весёлых глаз,
очень на вчерашние похожих,
только веселее в этот раз.
Небо светит отражённым светом.
Кубиками выложены дни.
Может быть, всё дело просто в этом —
меньше стало всякой суетни?
Выровнялось к людям отношеньё.
Вынесли решенье доктора.
Только не сказали про решенье,
а по мне, давно уже пора.
Что стесняться, дети Гиппократы?
День такой, что бабочки в груди —
в самой левой части аппарата,
где так бьётся, что не подходит...

* * *

Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?
Б. Пастернак

На воздухе твердея, как стекло,
камедь застыла, истощая сливу.
Какое нынче, граждане, число?
И как мне быть — немолоду, но живу?
Сегодня сделал метку на стене:
отмокли окна, мы дозимовали.
Но сколько снегу в нашей стороне,
которую так долго мордовали!
Сугробы смёрзлись, танку не пройти.
А чуть оттают — и поплыли Горы!
Как ни темны небесные пути
и безутешны бабьи разговоры,
камеди нужен медный купорос...
Но где достать его в такой осаде?
Тут и на двор сходить — большой вопрос.
А всё ж приходится здоровья ради.

* * *

Мои вожди меня учили строгости
в определенье смысла бытия,
чтоб не плутал в его великой многости,
где заплутали лучшие, чем я.
Я и поныне помню столько разного,
поскольку были истины просты:
о смысле гуманизма буржуазного,
о социальной сути доброты.
История была работой гения,
где красота картезианских клоз
не оставляла места для сомнения
и отвечала на любой вопрос.
Мир нас любил, грядущим только радуя
по целой гамме произвольных тем.
Мы жили рапортами и парадами
с показом наших огневых систем.
Где это всё? Куда девалось-выпало?
Взрослеет век и смотрит мимо нас.
Ни стяга в нём, ни простенького вымпела.
И скучен он, как вялый ананас.

* * *

Спят пчёлы в ульях. Нынче скуден мёд:
не набралось его к исходу лета.
Такое каждый пасечник поймёт,
а пчёлы извиняются за это.
Я сам по духу — поздняя пчела.
И у меня взятóк оскудевает.
Поэтому не ладятся дела
и всякое смятение бывает.
Уже сдаёт позиции Ока:
вторые сутки как мелеют плёсы.
И одичала заросль ивняка.
Освирепели рыщущие осы.
Мир снова мал. Он дремлет на ходу,
не помнит дат и путает привычки.
И кто-то в дореликтовом саду
в потёмках чиркает сырые спички.

* * *

Так жизнь повернулась, однако,
какой-то такой стороной,
что каждая всякая бяка
теперь происходит со мной:
то пакостный день за стеною,
то злые мои времена.
То женщина рядом со мною,
лежащая в позе бревна.
Всё к чёрту, всё глупо и дико,
и стыд заливает глаза
при виде Господнего лика
в углу, где висят образа.
Столетье мотает борсеткой,
гуляет в компании муз.
...И старости умной и едкой
во рту отвратительный вкус.

* * *

Опять дожди зашелестели,
зашебуршали, потекли.
Опять душа томится в теле
и слышит запахи земли.
Как тесно в мире в непогоду,
как сокращается метраж!
Сиди глазей на грязь и воду...
А непогода входит в раж:
гудят разверзнутые хляби,
бездарен дней шинельный цвет...
Эх, улететь бы в Абу-Даби,
где, говорят, такого нет!
Всё есть – за этим исключением.
Но что бы стал я делать там
с моим болезненным влеченьем
к водно-болотистым местам?

* * *

То тело, к котором я нынче живу,
досталось мне прямо с рожденья —
подарок родителей, нынче б/у,
достойное всё ж снисхожденья.
Мне в нём очень многое произошло
(к чему эти скучные списки?).
Я с малых ногтей уважаю число,
но не ориентируюсь в риске:
был бит и с догона, и лез на рожон,
в ответ получал по сопатке.
Кому я теперь в этом теле нужен?
Оно в несомненном упадке.
И жалко его, и на что оно мне
в таком запустенье и сраме?
А в детстве — давно и не в этой стране —
оно очень нравилось маме.

* * *

Век закончен. И мелким дыханием ребёнка дышит день, задремав у меня на плече. Тихо крутится жизни моей киноплёнка – ничего в ней, чтоб вспомнить товарища Че. Там ни подвигов нет, ни хотя б героизма. Даже лирики, в сущности, скудный запас. Вон и день на плече хоть сопит, но не признан и прописан в Голутвине, а не у нас. Мне, ей-богу, в герои вовек не хотелось, потому как публичность и прочая блажь. И к тому же в героях важна крупнотелость. Ну а я не тяну на такой антураж. Не тяну – и не надо. Простите меня, репортёры! Папарацци, проныры, акулы пера! Я в деревне с дурацким названием Горы отгеройствовал в пятницу, позавчера.

* * *

...И снова покраснели лозняки.
Молчи, душа. Нет повода для страха.
Там просто гон разъяренной реки,
на пойму налетающей с размаха.
Мы на бугре. Оке нас не достать.
Мы у Владыки в боковом кармане,
где нам не страшен ни потоп, ни тать,
хотя пугающе непониманье
по нашим стенам выведенных рун
и клинописи древнего Двуречья.
Я их прочту, усталый говорун,
и сделаю своею внятной речью.
А там пускай летит себе река,
сбивая всё, забыв резон и меру,
чтоб в этот раз уже наверняка
пробиться к бесполезному карьеру...

* * *

...А по утрам в кагале электрички,
в дорожном быте родственных людей
мы спорим – и скорее по привычке –
о сущности тантрических идей,
о ножках Буша, о размерах мира
(но он и без размера хоть куда).
А там, снаружи, ветрено и сыро.
Бежит вослед продрогшая звезда.
Там грозный мир готовится к разборке,
уже грохочет специнвентарём.
Конечно, дело не дойдёт до порки,
но оплеух уж точно наберём.
Нет, не хочу! Проеду остановку.
Сойду в Коломне или в Сандырях,
где поезда берут на формирование
и привечают всяких растерях,
которые извечно виноваты,
чего-то недодали и должны.
С рожденья по-российски вороваты,
поскольку из наследственной шпаны.

* * *

Ловцы теней, строители химер,
поверившие подлинности чуда,
я вместе с вами был в СССР
и до сих пор ещё иду оттуда.
Я был там свой — из самых небольших:
приучен к коллективной дисциплине,
к единству множеств, к сочетанью их —
достоинства, утраченные ныне.
Но главное, я там принадлежал
(хотя насчёт поэзии — упёртый),
ходил в упряжке и «носок держал»
при полном наполнении аорты.
Не верил государственным речам,
гнусал от хронической простуды.
И, Господи, как плакал по ночам,
покинут всеми — без Тебя, без Люды!

* * *

Жизнь, чего тебе, опомнись, дура?
День такой, что всё вокруг блестит.
Даже вся его архитектура,
даже мелких надписей петит.
Ну а мы с тобою разве хуже?
Я с утра побрит и франтоват,
а местами даже наутюжен...
Шик и блеск на двести тридцать ватт!
Вон и день начищен лучшим мелом
и сверкает медью золотой –
как моряк, во всём парадно-белом,
виноградным соком налитой...
Только что мне делать с этим миром,
с этим крупным, что глядит в упор, –
со своим трезвоном и растыром,
с крошечными дырочками пор?

* * *

Давай уснём. Так тихо на земле.
Так вызвездило высь над головою.
Все спят внизу в моём большом селе
под одеялом или под травой.
Я плохо сплю последние года.
Но если вместе, то, глядишь, поможет:
как в детдомах, как прежде, как тогда,
когда был век наполовину прожит.
Когда так часто плакалось во сне
от непосильной родственности мира
в такой большой и пристальной стране
со мной несовместимого ранжира.
Бледнеет свод творенья Твоего.
Дорога после вторника остыла.
Уснём, Творец. Не нужно ничего.
Суди лишь сон. Всё остальное было.

* * *

Сиротство начиналось с Мелекесса:
с его могил, с загаженных прудов,
с камвольных комбинатов, с райсобеса —
опоры захолустных городов.
Ах, этот мир чулочно-трикотажный,
где Клара Цеткин задавала тон!
Литейный цех, когда-то очень важный.
Артели — холст, поташ или картон.
Всё дура-память помнит о промбазе,
а про погодков — ровно ничего:
одни блатные клички в лучшем разе...
А лица стёрты все до одного.
Вот бабушкина тощая укладка:
платёжки, поминальные листы.
За здравие — имён на полдесятка.
За упокой — уже на полверсты.
По нашим судьбам время уходило,
по умопомрачительным годам.
И новые названья находило
своим неблагозвучным городам*.

---

* В 1972 году Мелекесс стал Димитровградом.

* * *

Ещё не всё в моей судьбе
произошло согласно списку,
что я накаркал сам себе,
что за стеной, за дверью, близко...
Но глянь: опять над головой
пространство праздничных размеров,
и я по-прежнему живой,
назло прогнозам маловеров.
Закончен год моих страстей –
моей беспомощности, злости,
неутешающих вестей
и размышлений о погосте.
...А уж кровящи натекло!
Но жизнь кончатся не хотела,
хоть сердце сделалось мало
для тяжелеющего тела.

* * *

Дожди, дожди и воздух несвободы
от этих туч над самой головой.
По всей России пасмурные воды
и неустройство жизни бытовой.
Посмотришь вдаль — и не увидишь дали:
одни дожди стоят со всех сторон.
Нам скоро станут раздавать медали
за понесённый нравственный урон —
за выживание в год депрессионный
с обилием сочащейся воды.
И за привычку примиряться с оной,
чтоб уцелеть хотя бы до среды.
А край земли, как прежде, за Окою —
за лозняком, совсем невдалеке:
там, где колодец с поднятой рукою
и с грузиком, зажатым в кулаке.

* * *

Пауки заснули на камнях
грозным сном строителей творенья.
Сколько солнца в этих поздних днях
и в лесах бесшумного горенья!
Всем ущербным зрением моим,
всей страдаю третьего сезона
я сегодня доверяюсь им,
не ища для этого резона.
День и тих, и незамысловат.
Пауки с их ткачеством лукавым
спят на фоне обнажённых страт,
безразличны к близлежащим травам.
Пусть их спят. Кому они нужны.
Мир достроен и подписан к сдаче.
А размах проектной вышины
нам сгодится так или иначе.

* * *

Мне семьдесят семь, я то сытый, то пьяный
и прожил свой век неизвестно зачем.
Но я для себя — и плевать на изъяны! —
остался по-прежнему лучшей из тем.
Причина проста: я всегда под рукою —
бери и набрасывай беглый портрет.
Притом современников не беспокою:
получится — ладно, а нет — значит нет.
Мне хочется счастья и тёплого лета:
хотя б одному, ну а лучше вдвоём
вон с тем рахитичным кустом бересклета,
который мне виден в оконный проём
с фазендой Василия через дорогу,
на той стороне, в направлень к пруду,
куда к своему русаковскому Богу
и я без особого страха уйду.

* * *

Я помнил цифры съездов и решений,
рост поголовья мелкого скота.
И что изрёк днепропетровский гений.
И сколь прочна в Сахаре мерзлота.
Так было нужно. Так тогда играли.
Так сроки отмеряли на весах.
Какие, к чёрту, совести-морали?
Всё это там, у тех, на небесах.
А мы на этой непереносимой,
треклятой, всепрощающей земле,
где каждый прыщ с обкомовскою ксивой —
уже архангел об одном крыле...
Где длились дни таинственных заданий:
то пятилетних, то на целый век —
по части возведения гидрозданий
с бесповоротным поворотом рек.
Где нужно было не бояться страха,
рожать детей, не зная их судьбы.
...И времени обдёрганная птаха
нам, пролетая, оевала лбы.

* * *

Александр Переверзину

Нам нельзя быть счастливой страной:
мы счастливыми быть не умеем.
Не привыкшие к жизни иной,
от хорошей мы быстро хамеем.
И без повода лезет из нас
панский гонор, босяцкая воля.
То распутство калифа на час,
то воинственный зуд Гуляй-поля.
Лучше сразу все бабки отдать
и затырить рубли под подушку,
чтобы снова терпеть-голодать,
завести керогаз-крупорушку.
Чтоб фарцовка и пламенный стяг,
чтобы...
Господи, снова всё это!
Мы навеки страна работяг
и погоды мышиноного цвета.
Возвращайтесь, мои времена,
на хрипатою тальянке играя!
...Непривычная к счастью страна
моего коммунального рая.

* * *

Сухая гроза — молонья без дождя и без грома
холодным свеченьем насквозь прорезает окно.
И в комнате сразу становится так незнакомо,
как будто врасплох угодил на чужое кино.
Всего на мгновенье, слепой от нещадного света
и вспугнутой тени, рванувшейся, чтобы не быть,
ты вдруг понимаешь, что это огромное лето —
всего на покамест, со скидкой на глупую прыть.
Что в цыпках река и ребёнок за стенкою плачет.
Что в отчей стране никому никуда не уйти
от вечных голгоф и что путь только, в сущности, начат,
раз Бог не придумал для нас благодатней пути.
Чу, фосфором пахнет... И будто дымком потянуло.
Над клумбой соседа качнулся бесхозный озон.
А смутный рентген никудышного венского стула,
оставленный вспышкой,
для скорби совсем не резон.

* * *

Прогнётся ветка, лист зашебуршит.
Душа вздохнёт от горестной обиды
за этот незатейливый самшит,
за эти усыхающие виды.
Не горься, друг! Мне тоже тяжело
от оскуденья дней и расстояний.
Но это лишь остаточное зло,
поскольку дальше много всякой дряни:
опять дожди до истощенья сил,
меленье рек, сезонная усталость.
Я никого об этом не просил,
но мне всё это с возрастом досталось.
И я терплю, мне надо делать вид,
что всё пройдёт, что это так и надо.
И лишь душа по дури норовит
всплакнуть у запаршивевшего сада.

* * *

Жизнь прошла, как положено жизни.
Слава богу, иначе – хана:
при сегодняшней дороговизне
стала больно затратной она.
Я не помню её бородавок:
я родился в красивой стране.
Но пора исторических правок
до сих пор не забылась и мне:
тут подправили, там постреляли,
вбили в землю, пустили в распыл.
Но зато целый свет удивляли...
Я, наверно, неплохо пожил.
Всё мне было и всё ещё будет
на земле под названием Русь.
Нас история не позабудет.

...А вот этого я и боюсь.

* * *

Поэты пушкинской эпохи,
таланты блоковских времён...
Бомжи, бретёры, выпивохи
всех поколений и имён —
порой не высшего разряда,
весьма посредственной души...
А всё равно нас в мире надо!
Мы и плохие — хороши.
Нас время часто забывает,
обносит чаркой и деньгой.
Нас слишком много не бывает,
но просто счёт на нас другой.
Да, мы грешны и в том, и в этом.
А что за быт! И стыд и срам...
Эпохи помнят по поэтам.
Плохие — просто по царям.

* * *

Ничего не умеет душа,
если душу уметь не учили.
Знай молчит, никуда не спеша,
или плачет, когда огорчили.
А душе ни к чему расслабляж:
у неё не такая работа.
Даже самой надёжной из прях
ей отпущена жёсткая квота.
Под лимит выдаются года.
Лишь печали идут без лимита.
Всё как водится. Всё как всегда.
Жизнь исполнилась, то есть прожита.
В ней теперь никого не застать —
как в Горах на пустом огороде.
Век закончил затраты считать.
Ну а я ему родственник вроде...

* * *

Депрессивные нынче погоды.
Просто очень, признаться, гнетут.
Ты о них забываешь на годы,
а проснулся — они уже тут.
И пошло-понеслось до упада:
грязь и слякоть с дурацкой грозой...
Только этого больше не надо:
это ж просто сплошной мезозой!
Дайте передохнуть человеку,
на ветру обсушить сапоги,
сотворение взять под опеку:
жив — живи, помирать не моги!
Жизнь-то, в общем, совсем небольшая...
Я б сказал, недостойно мала.
Только я ей ни в чём не мешаю:
пусть идёт, как до этого шла.
Как гремела солдатским металлом,
вызывающим приступ хвороб...
Лишь дышала бы воздухом талым,
не кончалась бы, длилась бы чтоб!

* * *

У времени опять весёлые глаза,
а это верный знак — держись плотнее к лесу,
поскольку каждый день — шутник и егоза,
а норовит попасть в трагическую пьесу.
Да я не театрал, мне нравится кино,
хотя и там и тут — всё те же лицедеи.
Зато демократичнее оно.
И мордобой в нём часто безыдеен.
Но вот закончен май и этот, что за ним, —
с остервененьем ос и стрекозиным треском:
не месяц, а сплошной какой-то аноним...
Поэтому держись плотнее к перелескам.
Вон похмурели дни и стали матереть,
готовить ЗРК и залезать на САУ.
И значит, наш черёд по ящику смотреть
серьёзное кино: к примеру, Куросаву.

* * *

Я думал приятные мысли,
которым смеялся не вслух.
Но вдруг георгины провисли,
и пасмурно сделалось вдруг.
И сверху захлопало что-то,
как будто лилось со стола —
на небе, похоже, работа,
уборка какая-то шла:
громоздкую мебель таскали,
для танцев готовя полы,
по радио что-то искали,
посуду несли на столы.
Мне всё в этом было понятно,
я всё представлял в мелочах:
как ангелы, споря приятно,
втроём разжигают очаг.
Как горницей ходит Хозяин
и смотрит в меню-кондуит.
А каждый подсвечник надраен,
и манна в кастрюле стоит.

* * *

...И вот мой мир — с Горами впереди,
со мной у края в виде силуэта.
И эти непременные дожди,
своим занудством портящие лето.
Потом разломным грозам будет счёт.
Потом дороги встанут посередке.
Потом Ока куда-то потечёт
по местной непроверенной наводке.
Такой сезон. Такой небесный пух
по окантовке пасмурных пролесков.
Посмотришь — и захватывает дух
от расфасовки жизненных отрезков.
Не надо думать о раскладе дней:
что есть — то наше, остальное следом.
К тому же стали вырубки видней,
а грозы предусмотрены по средам.

* * *

Мы все помрём. Хотя не в этом дело,
а в том, что август плотен и зернист
и зрение ещё не разглядело,
как на ладони отложился лист
в подробностях, доступных для прочтения,
особенно по линии судьбы.
Я к хиромантам в целом без почтения,
но, боже мой, как чётки и грубы
все эти волевые отпечатки,
что нам определяют наперёд
движение по жизненной брусчатке!..
Но этого не каждый разберёт.
Теперь, когда стоят такие годы
в моей стране крупноформатных дней,
а на Оке горланят пароходы,
мне стало в жизни многое видней.
И я могу по собственным морщинам
понять её в доступных мелочах,
как это и положено мужчинам,
держащим сотворенье на плечах.

* * *

Лишь погляжу на жизнь мою —
и заиграю-запою.
Да так, что слышно в Лепясах:
аж ветер порскает в ушах.
Глядите: вот я, глух и стар,
хлещу по праздникам нектар.
(А если сильно загрущу,
то и не в праздники хлещу.)
Пейзане кружатся лужком:
кто при штиблетах, кто пешком.
А мне-то смех, а мне-то грех,
что я один при них при всех.
И нам совсем не моветон
исполнить хором вальс-бостон.
Вот я каков, вот я сяков,
неугомонный Русаков.

* * *

Спиртовых яблоч осень набросала.
Какой роскошный всё-таки сезон!
Тут что ни день – распивочная зала,
в которой бутилирован озон.
Летят над садом солнечные струнки.
И мне с бугра отчётливо видны
кротовьи неприсыпанные лунки
на ближнем расстоянии страны.
Я вижу: ветер прогибает спину
и упадает на примятый луг.
Так ферт эстрадный, публикой подкинут,
лежит врястяжку на подпорках рук.
Но раз он есть, то мы не одиноки.
А ферт не ферт – не время разбирать:
вот-вот пройдут спиртовочные сроки.
И перестанет радио орать.

* * *

Когда я выморгаю сон из глаз,
чтоб видеть мир неотягчённым зреньем,
я огляжу его как в первый раз —
ещё не надоевший повтореньем.
В нём будут очень выпукло видны
особенности среднего размера
моей полупроснувшейся страны,
в которой снова так привычно серо.
Погода — бездарь. Время — хоть в петлю.
И тысячи начал без окончаний.
Но и такой я родину люблю:
как в детстве, безо всяких примечаний...
...Вагон и полустанков частокол.
Небесный дым по гаснущим поленьям.
И счастья нерасчётливый укол.
И жизнь с её бесстыжим удивленьем.

* * *

Июль. Смерканье. Ангельское время.
Пыль улеглась. Угомонился шлях.
Коров прогнали. Тихо надо всеми.
И долгое молчание в полях.
Там никого никто не окликает:
кто окликали, тех давно там нет.
Теперь душа к покою привыкает
по окончанье окаянных лет.
Всё утрясётся. Всех утешит слово.
Взойдёт звезда и встанет в головах
и нашего сегодня, и бывшего.
А будущее кроется в словах.
Нам до него – лишь перейти дорогу
под гуд шмелей и банный дух земли.
Оно уже всё ближе понемногу...
И в нём гудят знакомые шмели.

* * *

Ну вот я, старичок-боровичок,
хозяин жизни узкого формата...
Она такой занятный пустячок,
оставшийся от курса сопромата!
Я в мире ничего не изменил.
Да он и не просил меня об этом:
знай голосил под разный хлорвинил
(а после перекинулся к кассетам).
Потом...
Потом я перестал следить:
старенье — труд, работа по разметке.
То учишься не падая ходить,
то простатит и гнусные таблетки.
Я жил, дурил, искал посильных благ —
желательно, заслуженных, но всё же...
И вот теперь сворачиваю флаг.
Спасибо за обещанное, Боже.

* * *

Что ты мне ещё не досказала,
отчего ты гонишься за мной,
улица забытого вокзала
в городе нелепицы сплошной?
Нету никакого марафета
в тех годах гопстопников и шлюх:
вся блатная лирика пропета,
поезда отправились на юг.
Стали тленом ветхие светухи,
я в лохмотья гуньку износил.
И отит в ущербном левом ухе
мне под старость не прибавил сил.
Уходи, вокзальная шалава,
промышляй в районных городах!
...Помню: к детприёмнику — направо.
Кича, как ведётся, на задах.

* * *

Третий Спас, и ласточки ушли.
Никого, похоже, не осталось:
вот грачи полощутся вдали.
А сады – реденье и усталость.
Утлый волос во ветру летит.
Серый день бездумен и спокоен.
То сосна от ветра закричит.
То пройдёт с ружьём Аника-воин.
Ой, как жить не хочется порой!
Без причины, вдруг, от утомленья...
Оттого что солнце за горой
или близко светопреставленье.
Пруд спустили. Скоро холода.
Жизнь прожита и почти понятна.
Только за Окою, как всегда,
сполохов разрозненные пятна.

* * *

Дымился луг под яростной грозой.
Варёным паром ельник исходил.
Творенье возвращалось к мезозою,
и я б его за это не судил.
Там открывались странные просторы,
забытые на карте города
с большим селеньем под названьем Горы,
придуманном неведомо когда.
Меня покуда не было в наличье.
Я где-то был, но через тыщи дней:
через леса, через станицы птичьи...
И постепенно делался видней:
наметились отдельные детали,
неясные в смещении своём,
которые уже приобретали
положенный реальностью объём.
Велась уборка к моему приходу.
Звучали отдалённые басы.
И я пришёл к тридцать восьмому году
в деревню чернозёмной полосы.

* * *

Опять летит пожухлая листва.
Душа тоньшает до осенней голи.
И бродят по округе дерева,
пьянея от безлистя и воли.
Мне тоже нынче горько и легко.
Но как нежны сезонные оттенки!
Да и погода — сущий душ Шарко:
то дождь, то солнце и узор по стенке.
Теперь не к знаниям тянется душа —
она и раньше ими не форсила.
Но всё-таки, просчётами греша,
хотя бы понимала: «Знание — сила».
А нынче ей не истина нужна
и не законы здешней ойкумены,
а просто куча всякого рожна —
рабочий сор грядущей перемены:
весь этот шорох и спиртовый дух,
раскат дорог, открывшихся в пролеске.
И хохот двух спортивных молодух,
качающих какие-то железки.

* * *

...И то сказать: я долго рос болваном —
со всех сторон обычный имярек,
хотя и притворялся бонвиваном...
А нынче просто хмурый человек.
Вон сор летит поверху осенней рвани.
Сосед поёт про Сеньку и княжну.
Но баб топить, хотя бы и по пьяни...
Нет, не по мне: боюсь, что утону.
Мне б что попроще и без криминала:
расти, и предпочтительнее вширь,
чтоб публика меня запоминала —
такой, мол, поперечный богатырь!
...В цвета старенья месяц разукрашен.
Сосед замолк и смотрит из окна
куда-то дальше приозёрских пашен,
на поле цвета прелого зерна.

* * *

Вот день, в котором небо лучших дней
и птичий плеск, и быт особым ладом,
в котором всё и чище, и видней.
И ничего не задавали на дом.
Сесть на припёке, к счастью прислонясь,
дышать Окой и слушать отрешённо,
как бьёт хвостом осатанелый язык
от избытка тестостерона.
Как за Коломной от фронтальных гроз
отходят полосатые завесы.
И где-то окликает паровоз
мои самары или мелекессы.
Как жизнь прошла и повернула вспять,
но до сих пор шибает кислым потом.
И нам опять назавтра приступать
к её пуско-наладочным работам.

* * *

Какой-то дождичек убогий,
какой-то хилый ветерок
бредут в обнимку по дороге,
опять не к месту и не впрок.

Куда они, о чём талдычат?
Кому их лепет разбирать?
Зачем в дорогу пальцем тычут
и слёз не могут вытирать?

Сплошное сердца сокрушенье.
Сплошная детская тоска.
И тихой боли копошенье
вот здесь, у правого виска.

* * *

...Но как грохочет мой парад-алле!
Как он гремит и оставляет меты...
Я мог бы силой мысли на столе
передвигать доступные предметы.
Да никому не нужен этот дар –
одно фиглярство, форма выпендрёжа.
Но я хочу, пока ещё не стар,
башкой работать стоя или лёжа.
Во интеллект! Чапаев на коне.
(И конь вполне сойдёт по интеллекту.)
А ведь порою хочется и мне
внести в развитие молодёжи лепту!
Уметь вести, учить и вдохновлять,
морально формируя поколения.
...И силой мысли вилки выпрямлять,
погнувшиеся от употребления.

* * *

Когда река ночами остывает
и прячет солнце где-то в глубине,
так одиноко на земле бывает,
притом, наверное, не только мне!
Темным-темно, и мир на время замер.
Безгласье, неподвижность и тоска.
И рыбы спят с открытыми глазами,
касясь брюхом донного песка.
Вот так и я: затих под одеялом,
забился в щель, залёг в нелепый век,
привычный к непогодам-экстремалам
и к усыханию мелководных рек.
Не помнить чисел, не уметь смиряться
с дуреньем тела, с произволом лет...
В кармане у столетья затеряться —
давно уже просроченный билет.

* * *

Довериться сменяемости дней,
их чёткому и ровному отсчёту,
чтоб всё неотвратимей и видней
определять невыбранную квоту...
Жизнь — это табель мер или весов,
но с допуском на временные сбои,
когда над сушкой стиранных трусов
просверкивает что-то голубое,
висят лохмотья брошенных утех,
обрывки недостигнутого блага,
которые ты выбрал вместо вех,
чтоб по дороге не сбиваться с шага, —
доверившись сменяемости дней,
справляя календарные обряды:
то строя жизнь, то обживаясь в ней.
То штопая затёртые наряды.

* * *

Такая жизнь была, ей-богу!
В ней всё вместилось, всё срослось.
...Я помню осень, день, дорогу.
Вдали скрипит земная ось.
В соседней луже дождь неловкий –
почти неслышный, из простых.
Народ идёт от остановки.
Под лопухом копнулся стих.
Творец взглянул на мир с прищуром
и вроде как готов помочь
намокшим женщинам и курам.
...Но кончен день. Настала ночь.
Всё как в кино: замена ленты.
Куда всё делось? Было? Нет?
Одни отдельные моменты
последних ста прожитых лет.

* * *

В холода у меня ничего не болит:
ноги держат и холка воловья.
И нажитых напастей нелепый синклит
мне уже не диктует условия.
В холода я столетье ташу на горбу:
так положено, дело мужичье –
чтобы кровь не спала, торопила судьбу
и не стала от лени жидче.
Чтобы зубы хруптели, теряя эмаль
и просев от биндюжной работы.
В холода ничего почему-то не жаль,
хоть ещё не просчитаны счёты.
В холода и душа у меня молода,
и лицо на ветру задубело.
Но колючи рассветы, тягуча вода
и ещё не закончено Дело.

* * *

Мне врут часы, а я их укоряю.
Я укоряю, а они мне врут.
Но чуть отвёрткой в них поковыряю,
они «Сдаёмся!», субчики, орут.
Конечно, время – сложное явление.
Я тут не дока, я наоборот.
Но чтобы врать почти до исступленья!
(По мелочам-то кто из нас не врёт...)
Я знаю: время – вспученность пространства,
каприз Творца, его Господня блажь –
божественное вегетарианство.
А проще – неуместный эпатаж.
Оно нам, в принципе, совсем не нужно.
Мы проживём. Нам лучше без него –
без этой арифметики натужной...
Без вечных дат для всех и для всего.

* * *

Вечернее мерцание воды,
живущей за оврагом рядом с нами.
И дальше лес, дремучие ряды
деревьев с родовыми именами.
Леса как люди: тоже коллектив,
сообщество с единством устремлений:
расти и быть и, почки распутив,
цвести на радость пчёл и поселений.
Надёжный мир, в котором все равны.
Пускай не наш — в замедленном движенье.
Зато размах на целых полстраны
во всём её громадном протяженье.
Я тоже ствол на привязи корней
и дорожу своей тяжёлой кроной.
Вон птицы размещаются на ней,
соседствуя с картавлящей вороной.

* * *

Блатняги с чёлочками злыми
и с папироской на губе...
Как я тянулся вслед за ними
и верил им, а не себе!
Они заточками играли,
и Венька Шнур был с нами груб.
У них такие были крали,
с таким размазом алых губ!
А я сопляк, полушестёрка,
ничем от мира не прикрыт.
Вокруг меня срамная Горка,
её вполне кошмарный быт.
Эй, кто-нибудь, большой и грозный,
найди меня, укрой полой
на нашей улице тифозной,
наполовину нежилой!
Химмаш, Литейка, год червонный.
Зловонье трёх больших прудов.
И старый тракт скотопрогонный,
уже с дыханьем холодов.
А мама-родина глядела
из-за портьеры, у окна.
И от бесхлебицы редела
жидкопосевная шпана.

* * *

Из палочек сложить стихотворенье.
Из строчек, перезревших на корню.
А можно – из лоскутного смотренья.
Из жирно перечёркнутых меню.
Из вторника, который недослышит,
за пищеточкой тарюю гремит,
пока телок стоит и жарко дышит
и выдыхает воздух-динамит.
Из начинаний, брошенных в дороге:
то от балды, то «жаль, не потяну».
Из радостей, сомнений и тревоги.
Из ропота на время и страну.
Мне всё в строку – обрезки и отходы,
судьбе не попадающие в лад.
И до ряда заношенные годы
с трагическими пятнами заплат.

* * *

Умом Россию не понять...

Тютчев

Ух, как же нас тыкали носом в дерьмо,
уча многомерности мира!
Мы были и впрямь никудышное чмо...
Но тренькала тощая лира
из дряни и рвани, из пьянки вразнос,
из горести, лжи и сиротства.
Конечно же, чмо, но не в этом вопрос,
а в сути родства или сходства
с детдомовской кофлю в сорок восьмом,
с «мотаней» невнятного лада...
Со всем, что и впрямь не осилить умом,
да может, уже и не надо,
поскольку и так никуда не уйти
от шмона в конце коридора,
от поезда, что на запасном пути,
и прочего слёзного сора.
От воли и боли, слепящей глаза,
от пыльной звезды придорожной.
От этой страны, без которой нельзя.
С которой уже невозможно.

* * *

Опять закат, как медленная роза,
раскрылся и угаснул, отгорев,
за грудой штабелей у леспромхоза
и за его ранжирами деревьев.
Гореть и гаснуть суть закон природы,
основанный на равенстве для всех.
Ну а у нас одно мерило — годы,
хоть одномерность — непростимый грех:
неправильно и просто не по делу!
Тут нужен разрешительный подход,
чтоб не давать изнашиваться телу
в период экстремальных непогод.
Чтоб не хиреть от лютых перегрузок.
От нервов, натянувшихся струной.
От поглощения куриных гузок
и прочей несуразицы иной...
Чтоб просто сесть на лавку возле дома,
следить, как меркнет медленный закат.
И трудового отдыха истома,
как роза, источает аромат.

* * *

Не пишется мне в солнечные дни.
Июль в России — месяц без секретов:
всё напоказ и ничего в тени —
как в женщинах, неряшливо раздетых.
Брюзглив я нынче, Господи прости:
не пишется, от этого и скука.
Порой строка уже вот-вот в горсти,
а на бумагу не легло ни звука.
Дождя б теперь... Чтоб изменился тон,
настрой души — с безделья на работу.
Чтоб день был снова вкусен, как батон
или харчо с лафитничком в субботу.
Чтоб пахла женским пряная земля.
Сады роняли скопленную влагу.
Чтоб я, судьбу на строчки поделя,
благословил конторскую бумагу.

* * *

...А жизнь уже накрылась медным тазом,
пошла в растыр, летит в тартарары,
всё ниже проседая с каждым разом
и замерзая в лютые жары!
А мне теперь без разницы — пожито.
Повидано до тяжести зрачков.
И все года откинута на сито,
но дат не разбираю без очков.
Ах, этот быт в его трамтарараме,
в его оркестрах и захлёбе дней!
Свеченье солнц из памяти о маме,
любовь-морковь и утопанье в ней...
Куда ни глянь — сердито и цветасто.
И как же пышет этот чёртов таз!
Я был задуман лет, похоже, на сто...
Тогда к чему весь кипеш — и сейчас?

* * *

Когда ушли из хора тенора
по воле обстоятельств или мора,
остались мы, которым не пора, –
хористы из поспешного набора.
Мы были худосочная шпана,
прыщатики, подпевка на подхвате...
Но так оборотились времена,
что мы в фаворе у случайной знати.
Да, мы поём. А эти, что ушли...
Их голоса текли горячей нитью
туда, где выше и поверх земли.
Куда во сне летают по наитью.
И нам бы так – чтоб взмыть и зазвучать:
просторно, полной грудью, без опаски!
Оставить на судьбе свою печать...

Увы, не те голосовые связки.

* * *

Позёмка замела. Душе бездомно стало.
Всё утро на бугре моталась простыня.
К двенадцати вконец давление устало,
и сделалось ему совсем не до меня.
Кому мы на земле нужны в такую пору?
Тут каждый за себя и на своём дворе.
Настырные ветра от поймы лезут в гору –
сюда, где мы торчим на чёртовом бугре.
Где я лежу во тьме, держа его руками, –
не сдвинусь, не уйду, тащите по стерне!
И тяжело во мне твердеет сердце-камень
от яростной любви к утраченной стране,
к плешивому бугру и всякой Божьей твари,
пришедшей в этот мир по милости Творца.
К варищенским садам...
К самой сезонной сваре,
которой, как всегда, не видится конца.

* * *

Я вышел во двор, встал от жизни на шаг,
чихнул так весоמו и звонко,
что аж зазвенело в оглохших ушах
и вниз подалась перепонка.
Ну, здравствуй, мой мир! Как ты жил без меня?
Как спал? Что подумалось утром?
Со встречей у кромки высокого дня,
отделанного перламутром!
В нём хрусток ледок, холодит холодок,
но пальцы в ботинках согреты.
Душа хороша и, небесный ходок,
выделявает пируэты.
Всё ново, как слово, готовое лечь
в строку ради слова другого.
Со встречей, моя благодатная речь –
самарский, воронежский говор!

* * *

Подобно пружи, налетели годы,
легли вповал, разрозненных мастей.
Как быстро поспевают корнеплоды
на фоне повседневных новостей
с анонсами баянных фестивалей
и выставок районного сырья,
где и меня когда-то узнавали!
(Хоть оказалось – это был не я.)
Везде одни хозяйственные даты:
то посевные, то опять страда.
А я был молод, и меня в солдаты...
Мне показалось – это навсегда.
Но налетели, и подобно пружи –
с засильем повседневных новостей...
Давным-давно, ещё тогда, в Союзе.
Ещё до разрушительных вестей.

* * *

Вот-вот придёт скудение души,
пересыханье времени и слога.
И как скорописаньем ни греши,
до этого уже совсем немного.
Хотя вести подсчёты не берусь...
Да и не нужно подавать примера.
А за окном лежит пространство Русь
с подробностями крупного размера.
И не о чем Хозяина просить:
всё спрошено, и дадено, и взято.
Теперь дождям над нами моросить
и расстояньям длиться без возврата.
А что душа скудеет, так пора:
уже настрекоталась до захлёба.
И били в окна низкие ветра.
И на столетие гляделось в оба.

* * *

Мы все подвержены порывам
в сиюминутной суете:
то увлечениям счастливым,
то тем, которые не те.
А время бьёт нас лютым боем.
А жизнь нас учит батогом.
И мы на это им обоим
твердим извечно о другом:
о том, что март и птицы свищут.
Что вётлы ходят вдоль Оки
и там кого-то будто ищут,
а те ушли и далеки.
Что дни и ночи, дни и ночи
гремят за лесом поезда.
И над садами кровотоцит
непутеводная звезда.

* * *

Язык лукав, а память коротка.
Шуршит листвою бесхозная округа.
Её черты видны издалека
и в частностях похожи друг на друга:
сухой рисунок, линий простота
и эти ускользящие блики
с поверхности кленового листа,
размерами ему равновелики.
Беднеет память и трезвеет страсть.
Всё остальное дотлевет рядом.
Когда б я мог, я б наревелся ввласть
над сотвореньем и простудным садом.
Но я бесслёзен, часто нетверёз
и мало сплю от непонятной хвори.
Лежу и вижу опустевший плёс.
Бояркино, Оку.
И Людю, горе, горе...

* * *

Земля лежит и отдыхает
и пахнет сохнувшим дождём.
Мир в это время затихает.
Мы не спешим. Мы подождём.
Мы среди близких и знакомых:
среди деревьев и низких трав,
где облигатных насекомых
укрылся смешанный состав.
Они совсем неслышно рядом
благоустраивают быт,
гуляют нашим старым садом
и ходят в местный общепит.
Мы им, похоже, не мешаем.
А может, просто не нужны.
Хотя вопрос вполне решаем.
...И дни как женщина нежны.

* * *

Не старость, нет, — ещё не те года.
Ещё дорога пляшет под ногою,
душа упряма, строчка молода.
Ещё не старость, но уже другое:
уже тесненье воздуха у плеч,
пока не тяжесть, но уже подсказка...
И долгое желание прилечь —
как женская томительная ласка.
А дни опять идут на новый круг
и мимо, прочь, нечёткой полосой...
Да бредни это, Боже, про старух,
грозящих к нам наведаться с косою!
Но, может, есть прозрение конца
и я успею перед смертным вздохом
увидеть всплеск родимого лица —
и всё Тебе, Творец, припомнить чохом!

* * *

Убежать бы от сложностей мира,
от его непреложных страстей,
чтобы жить неумело и сиром
и не ждать ни вестей, ни гостей.
Чтоб один, чтоб никто и не надо.
Чтобы ушел забытый карьер.
Чтобы щит на вратах Цареграда
с лейблом «Сделано в СССР».
Чтоб опять васнецовские сказки,
трое конных, «Медведи в лесу».
Чтобы драмам — другие развязки.
Чтобы дождь затихал на весу,
спотыкался в чахоточном лете.
Чтобы время с хорошим концом.
Чтобы женщина в синем берете
засмеялась счастливым лицом.

* * *

Этот дождик взаправду не злой —
лишь занудливый и приставучий.
Треугольной скорняжной иглой
прошивает ватинные тучи.
Боже, как надоели дожди!
Ну придумай хоть что-то иное!
Скажем, тропики к нам приведи,
только без неприличного зноя.
Тут, глядишь, развидняется день
и обсохнет в момент на припёке,
чтоб столетий моих дребедень
совершалась в прогретые сроки.
Только Ты не охоч до чудес —
всё ж затраты, бюджетные дыры...
...И бредёт ревматический лес
от Вариц в направленья Каширы.

* * *

Сместились дни и стали проще,
утратив свой сезонный лоск.
Уже почти сгорели рощи
и потемнел по ульям воск.
Но эта осень в блёклом свете
так небывало хороша,
что всех и каждого приветит
охлаждаемая душа.
Ей ни о чём жалеть не надо,
у ней надёжный оберег
от этих дней пустого сада
и замедленья здешних рек,
когда распластанные тени
от плоскодонных облаков
лежат поверх сухих растений
и полнотелых буряков.
Когда вокруг такие дали,
такой немислимый объём,
каких мы сроду не видали
ни в одиночку, ни вдвоём.

* * *

Наверно, лучше усреднённый быт
с упором на случайные подвижки.
Но жалко мёд, который не добыт...
Стихи. Ненаписавшиеся книжки.
Мой так и не законченный роман
про золото, вернее – про Кортеса.
Там кровь, любовь, лирический дурман...
(Хотя, возможно, не роман, а пьеса.)
Но я обоих их перехотел:
уже не снятся мне конкистадоры
и запах их давно не мытых тел,
затмивший даже запах местной флоры.
И Монтесума без меня убит...
Грядёт мятеж, с постов уходит стража.
...Пожалуй, лучше усреднённый быт
на фоне подмосковного пейзажа.

* * *

Когда меня от счастья распирает
за нашу жизнь — за вашу и мою,
во мне как будто музыка играет,
и я под эту музыку пою.
Да, так со мной бывает, пусть нечасто:
вдруг, с панталыку или с кондачка.
Сижу гляжу и вроде б непричастный...
И тут шатнуло, словно от толчка:
трава от ветра мелко зарябила,
дом заскрипел и кинулся плясать!
И рвётся колченогая кобыла
былые ипподромы потрясать.
Я сам от возбужденья бью копытом,
готовый на великие дела.
...Придёт жена и успокоит бытом.
И перестанут бить колокола.

* * *

С утра тепло, под вечер холодает.
Просторно, гулко. И ветра ушли.
Порой нам новостей перепадает:
вчера сороки, кстати, принесли.
Конечно, сплетни: мелко и случайно.
Но главное понятно: без войны.
Жена гадает мне на гуще чайной,
и мне хватает творчества жены.
Легчает тело, уступая духу.
Пора дерзаний вроде бы прошла.
Я нынче меньше доверяю слуху
и не уверен в пользе ремесла.
Спокойный день затих на детском вздохе.
Пахнуло стужей с нижнего пруда.
Сухой октябрь, конец большой эпохи.
Теперь уже, наверно, навсегда.

* * *

Я дат не помню. Помню города.
В дорожном быте коммивояжёра
оно так проще (хоть и не всегда),
поскольку память — слабая опора.
Как я любил цыганский этот быт
отелей, конференций, семинаров!
(Вот так же вдруг нет-нет и засвербит
от старых фильмов: Кадочников, Жаров...)
При всём при этом — как июль был мал!
Как август краток, а январь беззлобен!
И мир нас с полуслова понимал,
проверенному корешу подобен.
Признаться, я в ту пору был блудлив —
вернее, влюбчив (очень даже просто!).
...На пойме, где ходил водополив,
стоял крапивник башенного роста.
Над головой срывались ястреба.
И молонья за Редькиным блистала.
Я дат не помню. Но была Судьба.
Она потом обычным бытом стала.

* * *

Цветёт и то, чему цвести не надо —
чему не полагается цвести:
за домом распускается ограда...
Не утерпела, Господи прости!
Но если уж случается такое —
вдыхай ноздрёй неясное амбре
убогого соседского левкоя,
расцветшего некстати на дворе.
Весна, мой друг! И мы бы зацвели бы,
когда б не этот старческий цинизм,
таблеток переваренные глыбы
и результаты регулярных клизм.
Давай мы лучше просто не заметим
прорехи сотворенья тут и там...
Весна — подарок лошадям и детям.
И непутёвым мартовским котам.

* * *

Любое слово слышно на земле
и остаётся с нами после звука,
записано на ангельском крыле,
как утверждает умная наука.
Когда умрём, мы станем выше слов
и позабудем их предназначенье.
Уже сейчас их мелочный улов
мы иногда пускаем по течению.
Пусть плывут... Ничто не пропадёт.
Всё к нам вернётся. А не к нам — ко внукам:
ещё их столько удивлений ждёт
в их странном увлеченье ноутбуком!
А мы уйдём и станем выше слов.
И может, пригодимся нашим нивам,
как якобы говаривал Крылов,
такой дородный и такой ленивый.

* * *

Жизнь порой малопонятна
в отношениях со мной:
в ней то прочерки, то пятна
бледной краски водяной.
Я уже забыл разгадки
этих ханжеских помет.
Но они исходно гадки,
так что помнить смысла нет.
Лучше сесть на электричку,
выйти, скажем, в Чердаклах.
Намотать года на спичку,
ахнуть, жахнуть — вспых и прах!
Эх, тоска по детской воле,
зов беспутного житья!
Только ветер. Только поле.
Только молодость моя.

* * *

В ту пору я гляделся просто фертом,
но спал один, подружек не ища, —
на коечке, заправленной конвертом
и внешне походившей на леща.
Я пребывал в режиме воздержанья,
открытия своих первоначал,
а женской части в смысле возмужанья
особой роли не предназначал.
Да и зачем? Мне без того хватало:
дела, затеи, планы, суета.
Я эти годы глины и металла
хотел скорей расставить на места.
...Ах, как гремит гулянка за стеною!
Бутырский хутор, Скудра, латыши...
И девушка, придуманная мною,
ещё не дотянулась до души.
А даты-числа катятся горохом.
Но как же долго, как нелепо ждать
и тридцать лет искать себя по крохам!

И позднего взросленья благодать.

* * *

Нынче солнце в тумане и бледно рассеянный свет,
словно смотришь из дома сквозь плохо промытые окна.
Ничего в этой осени, право, особого нет –
разве только потёмки и драные в небе волокна?
Непонятные дни, воробьиные стаи с утра,
слабый промельк спешащего прочь самолёта.
Всё отдал бы, ей-богу, за прежнюю жёсткость пера –
чтобы сразу ложилась в строку рецептурная квота.
Чтоб естественность речи вела за собою слова,
не деля их на ранги и не обижая отбором.
Как от плотности речи болит по ночам голова,
из-за давности лет неизбежно забитая сором!
Нынче солнце в тумане и бледно рассеянный свет...
(Повторенье зачина для полной фигуры охвата.)
И вот этот форсажный, не сразу редющий след
то ли чьей-то судьбы, то ли просто небесная вата.

* * *

Я собою вас не беспокою,
вы живите, как хотите жить:
время непонятное такое,
что нельзя на после отложить.
Как осточертели разговоры
и событий дураоборот!
Удери на всякий случай в Горы –
там-то поспокойнее народ:
пьют как все – с утра и без оглядки,
но своё, а не денатурат.
И не любят платные порядки
за необязательность затрат.
Пьют и мрут, причин не разбирая,
чтоб не колобродила душа.
Опохмела ждут у двери рая,
первачом на Господа дыша.

* * *

Ветхий дом, веранда в две доски.
Выход в сад, к заброшенному луку.
А за поймой дали далеки
и ведут куда-то за излуку.
Мы то здесь, то нас обычно нет.
Раз в три года надо лезть на крышу.
Дом осел, а крыше тыща лет.
Небо близко, но бывало выше.
Вот мой сурик в банке жестяной.
Вот олифа с дрыном для размеса.
Мне сегодня в кайф со всей страной
крышу малевать из интереса,
слушать обрывающийся гром,
что грохочет проржавелым днищем
там, за Каблучками, за бугром,
но уже смещается к Варищам.
Думать думы (чирик за стручок!)
и хмелеть от жирной цветосмеси —
как когда-то пуганый сморчок
в смраде Мехзавода в Мелекессе.

* * *

Пойду перечитаю Кабыш Инну:
там зрелость мысли и мужанье слов.
Мне этого хотя бы половину –
и я бы стал глядеть поверх голов.
С годами видишь горестней и проще,
как тратится исходный капитал...
И то, как снова обнищали рощи.
И то, кем ты хотел бы, да не стал.
Не получилось. Не хватило злости.
Горячности, дышалки, простоты.
Хребет не вынес – проседали кости.
...Опять сады отчаянно пусты.
Опять им спуск до самой нижней выси.
В них третий год такая нагота,
что не хватает мне ни слов, ни чисел,
чтоб обиходить стыдные места.

* * *

Писать стихи – спастись словом
от будней, памяти, судьбы –
как будто жить на всём готовом,
ходить с лукошком по грибы...
Бессмертья нет, но есть повторы
хороших строк в чужих стихах:
небесных клавиш переборы
и сердца крошечное «ах!».
Есть рифма, вставшая с размаха
то в жизнь, то просто в нужный паз.
И я, седая горстка праха,
живу, похоже, про запас.
А дни мои уже спокойны,
и видно мне издалека:
через мои и ваши войны
плывут и гаснут облака.

* * *

Когда мы были полная семья —
отец и мама, бабушка и я,
мы жили, как положено в то время:
на Аблова, дом номер двадцать семь.
А прочее не помнится совсем —
один лишь этот номер между всеми.

Семьи не стало, всё пошло на слом.
...На мне платок, завязанный узлом:
чтоб со спины не индеветь на стуже.
Отец погиб, а мама умерла.
Мы с бабушкой остались без угла —
квартиру взяли, дальше только хуже.

В те годы зимы были много злей.
Мы всё же из семьи учителей,
и побираться нам не подобало.
Мы кое-как держались первый год:
бачки столовок, рыночный отход...
А в холода бесхлебье задолбало.

...Нет, там не я, другой какой-то шкет.
Меня в том веке не было и нет.
И не вернёт туда ничто на свете.
По всей земле шпана и голытьба.
Бабуся стала зрением слаба.
И я читаю ей Минеи-Четьи.

* * *

Мне больше нет ни голоса, ни зова,
ни этих лет бессмысленной длины.
Они прошли, как ветер понизовый,
за что-то виноваты без вины.
А я в них жил. Я ими был возвышен.
Я в них горел, готов сгореть дотла.
И помню только губы цвета вишен
той женщины, которая ушла.
Которая картавила и пела,
произносила странные слова,
хотела жить, да только не успела,
была во всём, неправая, права.
Писала косо по листу бумаги,
любила кошек, Ригу и старух.
Ушла — остановилась в полшаге...
И в том столетье оказалась вдруг.

* * *

Во дни младенческой печали
и праздной памяти моей
я долго был первоначален
и ничего не должен ей:
в ней трепыхались три жестянки,
помятый фантик, два мяча.
И пулемёт известной Анки,
забытый явно сгоряча.
Но ничего такого, чтобы...
Ну просто ноль, сплошной облом —
ещё ни зависти, ни злобы.
Я был счастливый дуралом.
Такие редко, но бывают —
которым вечно не пора.
Вон пулемёты забывают...
Сплошная, в общем, детвора.

* * *

Мне нынче жизнь особенно близка,
хотя уже с порезами и швами.
Зато ещё из одного куска
и говорит понятными словами.
Я долго был счастливый человек.
Потом дурил, творил, дошёл до точки.
Теперь пора в уход или побег —
исчерпаны последние отсрочки.
У стариков свой собственный лимит
на то, что нужно и чего не надо.
Уже гремит Астапово, гремит —
мой полустанок за провалом сада.
Да будет всё по замыслам Твоим!
А я ни в чём не обделён судьбою.
...Жить одному страшнее, чем двоим.
Но проще, чем забытому Тобою.

* * *

Герои занимались героизмом.
Злодеи тупо совершали зло.
Благодаря небесным механизмам
и тем, и этим поровну везло.
Я допускал возможность потрясений
на рынках сбыта и в кругу семьи,
обвал погод, пока ещё весенних,
но явно некомфортных в бытии.
А мальчишки кровавых революций
опять не успевали повзрослеть
до возраста полуночных поллюций
и просто чтобы дольше уцелеть,
поскольку длилось время повторений,
цикличности предписанного зла:
то галльских конспираторских прозрений,
то всякостей невнятного числа.

* * *

Когда невыносимой синевой
ударит август и вода качнётся,
а купол полыхнёт над головой –
всё прочее лишь с пятницы начнётся
движением сместившихся дерев
с таким просторным поворотом кроны,
что сам услышишь, чуть поднаторев,
как на разъезде лязгают вагоны,
как плотный дождь идёт наискосок
от Поддубков и вниз полуохватом,
чтоб совладать с метанием осок,
увещевая их беззлобным матом,
как загремит открывшаяся хлябь
и перспективу сразу перекосит.
И побежит к Рязани злая рябь,
которую река от нас уносит.

* * *

Любовь была и перестала.
В горшках завянул сельдерей.
А всё равно душа летала
в моей стране семи морей,
где я стоял на перекличке,
вопя восторженное «Я!»
(пока что просто по-привычке,
а не от счастья бытия).
Мой добрый мир! Ведь я был молод,
нелепо-пылок и строптив,
иглой времени уколот
и вписан в строгий коллектив.
К тому же так бездумно жёстко,
что аж скрипели желваки.
И мелко сыпалась извёстка
в стрижиных гнёздах у Оки.

* * *

Всё с июлем до срока решилось
полной мерой дождей и тепла.
Он закончил проверку на вшивость
и теперь закругляет дела.
Завтра август, мой месяц-гулёна:
Спас, малина и вишня в окно,
крупнорожие листья у клёна
и закатов немое кино.
Здравствуй, месяц распаренной плоти,
тучных чресел и пьяной воды,
паутины в свободном полёте,
пять удач на четыре беды!
Как, однако, нас жизнь обломала,
настрашала сумой и тюрьмой!
Здравствуй всё, что и поздно, и мало...
Всё, что Господи боже ты мой!

* * *

Кумир ментов, таксистов и страны,
так истово нуждавшейся в кумире,
он был ей тем, чем мы бы стать должны,
да не смогли — нам не хватило шири.
Нам недостало боли и судьбы.
Мы не сумели — до разрыва горла...
У нас остались «если б да кабы»
да обожанье трепетного гёрла.
(Оттрепетали, а иных уж нет...)
Потом он сам ушёл путём знакомым.
Уж лучше так: любím, во цвете лет,
чем кончить подворотней и дурдомом.
Он знал свой срок и вычислил число.
Мужское право — выбирать дорогу.
А многим до сих пор не повезло:
мы всё трывдим... Похабщина, ей-богу.

* * *

Как тесно в мире в непогоду,
как сокращается метраж!
Сиди пеньком, глазей на воду
и на окрестный антураж:
гудят разверзнутые хляби,
гремят проломные грома...
Эх, привалиться б к тёплой бабе,
уснуть молчком и задарма,
забыть, не быть, пропасть из списка,
из монохромной темноты,
где ты, задрогшая редиска,
скорей всего уже не ты,
а голошенье брэнной плоти
в кривых очочках или без...
...Бьют по зарывшейся пехоте.
Оттуда, Господи. С небес.

* * *

...А я чурался непосильных тем:
работал с теми, что не первой стати —
в пространстве между этим и вон тем...
Боялся, что на большее не хватит.
Да мне оно и вправду не дано.
Я вижу мир короткими глазами —
одно документальное кино.
Вот и стихи, понятно, не гекзаметр.
К тому ж я из ленивых торопыг:
найду фарватер — потеряю вёсла.
Зато приучен к чтению толстых книг
и уважаю умные ремёсла.
Я научился внятно говорить,
укладывать слова в шестнадцать строчек.
И никого за время не корить,
спокойно отрабатывая почерк.

* * *

...Но выходит, что жизнь получилась —
по подсчёту того, что дала.
(Правда, мало чему научилась:
дура дурой, какой и была.)
В ней всего оказалось с довесом,
хоть она прибедняется-врёт.
Я сижу и гляжу с интересом,
так как знаю про всё наперёд:
про пустые её заморочки,
про сады и дожди через раз.
Про забытые временем строчки
и оставшийся боезапас.
А она то вздохнёт, то заплачет,
щёки вытрет с одной стороны.
...Перетерпит, и век только начат:
три потопа, четыре войны.

* * *

...А в свой сезон полураспада
(он мне положен по годам)
я делал всё, что делать надо –
что делал некогда Адам:
терял очки, ворчал на Еву,
считал тогдашние гроши,
пил водку просто для сугреву,
а не веселия души.
Мы и теперь во всём похожи
на эту старость праотца:
мы тоже делаем всё то же
и будем делать до конца.
Ах, эта тяга постоянства
и лжепреемственность веков!
Вплоть до нерадостного пьянства
давно отпивших стариков.

* * *

Посмотришь вдоль — крапива-лебеда
и сентябри с обчёсанными косами.
А поперёк — не горе, так беда
со всеми совокупными вопросами.
В усталом солнце затихает день.
Тоньшает тень оплётного сечения.
Любовь-морковь, докука, дребедень —
недуг амбулаторного сечения...
Учиться видеть и запоминать.
Расстаться с восклицательными знаками.
А остальные просто препинать
со всеми их каляками-маляками.
Уже опять огрузнула земля.
Шикует август на свои последние.
И детской ватой вспухли тополя.
И веселятся граждане соседние.

* * *

Как день высок и небо нежно —
приют больших и малых птах.
И счастье просто неизбежно
в своих лазоревых цветах.
Простим друг другу неудачи,
заглянем возрасту в глаза:
всё будет так, а не иначе.
Иначе попросту нельзя.
Потом уйдём походкой мерной
дорогой уток и гусынь.
Над нами воздух безразмерный
и кашемировая синь.
Леса стоят в апрельском соре.
Кудлаты тучи-облака.
И никакое наше горе
нас не касается пока.

* * *

Во всю длину раскатаны ветра.
На душном сене досыпает лето.
Канун всеславных Павла и Петра,
апостолов из Нового завета.
А я, признаться, к Ветхому тянусь —
люблю его трагические сказки,
хоть до сих пор сквозь них не продерусь,
читая их порой не без опаски:
уж больно много родственной резни,
межплеменной и межсемейной свары!
Куда деваться от такой родни?
Но что ты с ней поделаешь — хазары!
Чуть что не так — сейчас же за грудки.
Потом, как полагается, за ножны...
И ладно б молодёжь — и старики!
У нас такие вещи невозможны.
Пассионарный был тогда народ.
Мы посерьёзней и страстей не ищем.
Хотя бывает, что придёт урод...
Но мы уже привыкли к пепелищам.

* * *

Мой ум, пыливый, но неточный,
не оценивший Божьих дел,
в своей дидактике порочной
всё, что возможно, проглядел.
А ничего. Я не мыслитель.
Мне можно думать по слогам.
Я престарелый местный житель
и недослышу жизни гам,
хожу с усилием и с дрыном,
кляню погоду на дворе —
как и положено мужчинам
в их унижительной поре,
когда им больше нету дела
до высших помыслов и благ:
есть только ропщущее тело
и слабо стиснутый кулак.

* * *

Утром был незначительный снег,
продержавшийся лишь до полудня:
видно, думал обрадовать всех,
а попал в заурядные будни.
В них увязнешь — назад не придёшь.
Скучный воздух пропахнул побелкой.
И кладбищенских галок галдёж
завершился позёмкой, но мелкой.
Блёклый март безутешных времён,
отбывающих срок без пригляда:
ни названий у них, ни имён.
Да, пожалуй, что им и не надо:
вереница ублюдочных дней,
как на полусасвеченной ленте...
Если вдруг и подумал о ней,
то в тротиловом эквиваленте.

* * *

Иду себе — не гневно и не кротко,
а так, зачем-то, через целый век.
Нецелестремлённая походка,
которой ходит русский человек.
И кстати, я в любом её замечу:
вот наш идёт... А мог бы не идти.
Сейчас настропаюсь ему навстречу...
Нет, не пойду! Нам с ним не по пути.
Мы на чужбине не нужны друг другу:
чего-то будто стыдно или зло.
И в каждом слове чувствуешь натугу,
как будто со страной не повезло.
Как будто столько мы наблефовали,
самих себя своей судьбой коря!
...А раньше наших девок выдавали
не за любого ихнего царя.

* * *

Стоять на заметённых полустанках,
в потёмках напрягая желваки.
Как пахнут шпроты в разорённых банках,
как расстоянья страшно велики!
В вагонах спят, и тамбур проморожен.
Завыл и канул встречный товарняк.
Ночами мир для жизни невозможен,
но надо жить хотя бы даже так:
напиться кофе до сердцебиенья
и всё равно заснуть ненужным сном.
Проснуться для разбоя, разоренья...
Но что такое нынче за окном?
Там утро, стынь, стеклянные сугробы,
дымы, посадки, солнце, провода...
И нет на свете ни татьбы, ни злобы.
И никогда не будет, никогда!
И надо жить взахлёб, в разоре, гаме,
считать года и радоваться им.
Ходить, хрустя по насту сапогами.
И задышаться воздухом тугим.

* * *

Я непременно вскорости помру —
вдруг перестану быть и называться.
Скорей всего, во вторник, поутру —
лет через пять, но точно через двадцать.
Я не искал ни чести, ни хвалы,
стоял на самой дальней из обочин.
И смерть мою готов назвать на «вы»,
хотя не очень этим озабочен.
Когда б она за мною ни пришла,
всё будет в срок и к юбилейной дате:
уже давно закончены дела
и я живу как праздный наблюдатель.
По мелочам, как водится, грешу,
но слух ослаб, и затухает зреньё.
И вот уже в который раз пишу
последнее своё стихотворенье.

* * *

Молчит июль о чём-то нежном,
и жилка бьётся у виска.
Есть в каждом лете неизбежном
своя особая тоска.
Чего душа от мира хочет,
в нём помещаясь поперёк?
Что эта женщина стрекочет
и горек плеч её упрёк?
В последних числах сотворенья
гудят гончарные жары.
Летит акаций оперенье
и оседает на дворы.
Душа для счастья уязвима.
И, начиная новый круг,
следит за лёгкой тенью дыма.
И ждёт касанья тёплых рук...

* * *

...А я тогда вопросы задавал
и получал невнятные ответы,
поскольку продолжался карнавал,
где все по-карнавальному одеты:
сплошь Арлекины, девочки с серсо,
пираты и невинные пастушки...
Но ведь учил меня старик Руссо:
при каждой юбке – ушки на макушке!
А я, как прежде, пялился на тех,
кто носит платья и тугие брюки,
хотя и понимал, что это грех
и губит мой потенциал в науке.
Ах, столько Ев из одного ребра!
Как выбирать в пределах личной сметы?
...Вопросы не доводят до добра.
Хотя ещё губительней ответы.

* * *

День плескался золочёным светом.
Рыбы шевелились в глубине.
И пускали зайчики при этом,
чётко различимые на дне.
Зацветали разные растенья,
пристально смотревшие на нас.
Лето тихо прошуршало тенью
и почти что не задело глаз.
Гусь протёк и канул в расстояние,
помахал крылом издалика.
Стать бы мне народным достояньем –
всё же я крупнее гусака:
как вон те, что пляшут на экране
в ящике, орущем день-деньской, –
наши развесёлые граждáне...
Отчего же я-то не такой?

* * *

Такие дни, что в них не заходи:
без пузыря никак не разобратсья.
В них нынче всё, что будет впереди,
хотя туда ещё сумеи продраться.
Сумеем. Не сумеем – перемрём,
карабкась на Божье голенище...
Всё чин, как говорится, чинарём!
Мы в шоколаде, то есть в толкотище
за место в жизни, в транспорте, в любви,
за лишнюю десятку к юбилею.
А я, как ты меня ни назови,
здоровыми болезнями болею:
грызу себя, завидую отцам
за их простую веру в что угодно.
И верю их доверчивым сердцам –
смейно, по родству, простонародно.

* * *

Уже раздеты и разуты
сады, летящие враскид.
А дни с разводами мазута,
и неблагополучен быт:
то шестимесячные зимы,
то пятимесячная хмарь.
И этот невообразимый,
от стужи спятивший январь.
А ты терпи, то зол, то весел,
кряхти ночами в полусне
от застарелой хвори чресел,
ужесточившейся к весне.
Вставай ещё до первой птицы,
плетись в простылый туалет.
...Хрустят в квартире половицы
почти одних с тобою лет.

* * *

Опять леса окинутся листвою
и сядут птицы на сухие ветки...
Глядишь, теперь окупятся с лихвой
все тяготы прошедшей пятилетки.
Вот время утвержденья бытия,
признания свершившегося быта!
И воздуха продольная струя
уже с утра движением набита.
Гельвеций учит (материалист!) —
мир бесконечен сверху, как и снизу.
В нём всё кипит, и каждый хилый лист
кому-то нужен и кому-то близок.
Но всё-таки агностики правы:
мне не понять, увы, ни так, ни этак
апрельского безумия травы
и птичью верность мусору из веток.

* * *

Пришли ко мне хоть холуя с запиской
о том, что всё на свете как должно:
семь войн с восьмой — уже, похоже, близкой.
Конец времён, обещанный давно.
По мелочам — цунами или спиды.
Сход ледников, ИГИЛ и Хезболла.
Но мы, Творец, за это без обиды:
всё это наши, местные дела.
Ты ни при чём, не при делах, не в теме...
Мы сами управлялись, как могли:
то воевали с этими и с теми,
то вот, природу плохо берегли.
А Ты один, Тебе работы много —
загружена небесная ГЛОНАСС.
...Мы проживём, мы под приглядом Бога,
которому покуда не до нас.

* * *

Притяженье земли всё сильней,
всё трудней от неё отрываться.
Я и рад бы остаться на ней,
дополнительно покантоваться,
да мешают другие дела,
появилась иная докука:
тишиной меня жизнь доняла —
постепенным редением звука.
Сотворенье теряет слога.
В нём становится глухо и сиро.
Мне, признаться, не речь дорога,
а скорей многозвучие мира:
этот фон, этот звуко-дымок...
А из речи я попросту вышел:
всё сказал, что хотел или мог.
Всё, что нужно, похоже, услышал.

* * *

Старая сразу и бесповоротно,
уходят дни какого-то числа.
Я поначалу их считал поротно,
а вон уж дивизия прошла.
И между тем прострекотало лето.
Опять похолодало на земле.
Затоптанный квадратик бересклета
почти не виден в травяной золе.
Но всё же день — до головокруженья!
И небеса — до самых райских врат:
особого тугого натяженья,
просторнее обычного втрикрат.
Так хорошо, что лучше не бывает.
Не надо слёз, ты лучше закури...
Восток сгорел, и кофе остывает.
И лязгает железка на двери.

* * *

Жизнь прошла, а судьба не успела —
поздней зрелостью мучает слог.
И зачем только дудочка пела
всё про то, что хотел, да не смог?
Нет, на чём бы судьба ни держалась
и какое б ни вышло число,
но стихи — это совесть и жалость...
Ну а прочее — как повезло.
Всё отдал ради странного дара,
ссыпал в кучку, растряс в решето.
Тем не ровня, а этим не пара.
Третьим просто приبلудный никто.
Жизнь прошла: то беда, то удача.
Так и надо: виват дожитью!
И, глаза от погодков не пряча,
я спокойно в шеренге стою.

* * *

Я поздним зреньем вижу дни:
тяжёлый год, леса горели.
Я бросил поиски родни.
Погодки пакостно старели.
И консистория врачей
мне перепахивала тело,
чтоб жил я лучше и бойчей,
а тело больше не хотело.
Я собирался умирать,
но передумал по дороге...
Тяжёлый год, не буду врать.
Но всё наладилось в итоге.
И вот он я: со скобкой рта,
с провисшим веком дряблой кожи.
А все зашитые места
почти на прежние похожи.

* * *

Жизнь, конечно, обходится дорого —
не в пример дешевой помирать.
(Вот, ей-богу, открытие пороха!..)
Да и в целом — к чему выбирать?
Неприлично считаться с расходами
на затратную часть бытия:
на июли с высокими водами
и звериной тоской дожитья,
на леса-дерева раскорякою,
на осеннюю хладную десь...
(Я люблю мою родину всякою,
но стараюсь в бутылку не лезть.)
Жизнь с её непосильными тратами...
Не торгуйтесь, не зная цены!
Дети вечно растут конопатыми,
но уж вырасти точно должны
для большого и только хорошего,
без алчбы и великих кровей.
Жизнь и вправду даётся недёшево...

Жаль, становится всё дешевой.

* * *

О чём между собой беседуют коты?
Что говорят о нас, обнюхавшись, собаки?
Как народился свет в утробе темноты
и кто прочтёт судьбы загадочные знаки?
Что значит «электрон»? Откуда взялся ток?
Вот телефон звонит и говорит: я Таня...
Невещный этот мир, увы, ко мне жесток
и в частностях своих, и взятый в сочетание.
Я в нём за долгий век не понял ничего.
Но всё-таки притом я был среди счастливых,
когда одуревал от милостей его
и ковырял камедь на отпотевших сливах.
Я уважал предмет, трёхзначное число...
А прочее терпел и принимал на веру.
Да, я не понимал, откуда что пошло.
Благословенны те, кто миру знает меру!
Наверно, мне и впрямь всё это ни к чему...
Оно так веселей — восторг и удивленье!
Я даже смерть мою по-братски обниму,
хотя она всего случайное явление.

* * *

Уже я был, уже мне дали имя.
Уже я делал мелкие дела.
И вышел в рост с погодками моими,
чтоб стать как все природные тела.
Но я ещё осваивался в мире
и плохо знал его в такой поре
по бабушкиной встрёпанной псалтыри
с великими гравюрами Доре.
На ощупь он казался очень плотен:
с крупозаводом, с выводками кур,
с артелями брезентовых полотен
и прочих небольших мануфактур.
Роились звёзды в безразмерной яме.
За Мелекессом крепили зелена.
А мир стоял с воздетыми бровями
и всё ещё разглядывал меня.

* * *

На детали я стал скуповат.
Раньше гнал их внавал и построчно,
напряжением в тысячу ватт
(иногда выражаясь неточно).
Дело, видимо, не в словаре,
а в отборе того, что нажито:
важно, чтобы в словесном пюре
не тонули подробности быта.
Чтоб хлестали по окнам снега,
залепляя пространство снаружи.
Чтоб ловчее ложились слога
и слегка шепелявили лужи.
Чтоб спешили года-января
с отпечатком товарного знака.
А иначе твори не твори,
без деталей — ни сути, ни смака.

* * *

...И какая, ей-богу, нужна этим будням охрана?
Доцветающим золотом блещет негромкий июль.
Мокроносые сутки текут из небесного крана.
Постучалась в окошко пора краснопахарских дуль.
Вон как нынче село от спиртового духа шатнуло!
Благородная пыль оседает по следу колёс.
И вот-вот уже август наставит весёлое дуло
и шарахнет горохом поверх мелкорослых берёз.
Пусть его хулиганит в свои календарные сроки.
Пусть опять отступает на пляжах глухая вода.
Пусть проходят Окою придонные грозные токи,
на четырнадцать метров зарывшись куда-то туда.
Далеко по реке уплывают навалынные грузы –
нынче всюду, похоже, потребен озёрский песок.
А для нас остаются дородные местные музы,
золочёное небо и ржавые гривы осок.

* * *

Я человек размашистых движений,
попешных сборов, чтенья вполстроки:
без перечня особых достижений,
хотя они довольно велики.
Но суть не в них, а в точности расклада
дневных забот и срочных пустяков,
в обкатке наработанного лада
моих восьми законченных веков.
Я торопыга, мне мешают сроки,
и сквозь подошву слышится земля,
её глубин горячие опоки,
с годами переросшие в поля.
Как мне забрать и унести с собою
весь этот шпат и мокрый глинозём,
бугор и день с закушенной губою?
Ведь мы, Творец, с бугра вот-вот сползём...

* * *

Снова птицы встают на крыло.
Грустью осени полнится время,
будто стало внезапно мало
и не хочет работать по теме:
то есть организовывать лёт,
заверять путевые маршруты,
из летка перекачивать мёд,
ставший цвета густеющей руты.
Отгордилась моя красота.
Отпестрели сезонные краски.
И не будет уже ни черта,
кроме традиционной развязки:
кто нас любит невесть почему,
тот уйдёт по гусиной дороге,
не расскажет уже никому
о любви, о прощенье, о Боге.

* * *

Теперь пришла пора радикулита
и прочих прозаических вещей:
уже не выпьешь с маху, раз налито.
Да и поесть — пожиже, потощей...
Затмение сердца или гнев Господень
и низкое схождение дерев,
а то и наилучшую из родин
теперь поймёшь, уже перегорев,
похоронив три четверти знакомых,
родни, погодков или корешей,
соседних пьяниц, членов избиркомов...
Похоже, возраст гонит нас взашей
за ссученные годы-недомерки,
за давние подлянки и счета.
...Последние бухгалтерские сверки.
Пустая предотходная тщета.

* * *

Устал я, с этим веком сволочась.
Но жизнь моя, испуганное чудо,
придумана не здесь и не сейчас...
И кончится, как детская простуда.
...Ещё вполне благополучны дни.
Внезапный дождик промывает стёкла.
И посреди подённой суетни
на пойме вновь заматерела свёкла.
И я хотел бы так заматереть...
Да не фартит мне ни с какого бока:
пашу-пашу (и обязуюсь впредь),
а всё равно выходит неглубоко.
Как мне успеть к контрольному числу
договориться и поладить с Богом
по частностям — судьбе, добру и злу?
Пускай не обо всём — хоть о немногом.

* * *

Архангел бычок погасил о подмётку –
и сделалась ночь, и уже навсегда.
Зачем эту злую палёную водку
я вновь принимаю в мои-то года?
Распутство рассудка, безволие воли...
Я брошу во вторник, а нынче допью.
И все остальные дизезы-бемоли
пускай не вредят моему дожитью.
Холодные дни без купюр и повторов.
Уже не пугает неистовый быт.
У каждого времени собственный нор и
собственный счёт незабытых обид.
...Архангел крылами плеснул от проулка.
Но, может, не он, а сама темнота.
Ночами в округе и тихо, и гулко.
И нежен у яблонь парок изо рта.

* * *

У всего появляется смысл.
Надо лишь прочитать эту книгу.
Это лето стрекоз-коромысл.
Это время, готовое к сдвигу.
Надо лишь дотерпеть до конца
стыдных дат и поры перелома.
До пробега жука-плавунца.
До молчанья бесхозного дома.
До продутого настезь двора
под российским беспомощным небом,
потому что природе пора
расставаться со всем ширпотребом,
приготовясь уже не к игре,
а к татаро-монгольскому игу, —
холодает, зима на дворе...
Надо лишь дочитать эту книгу.

Содержание

«То високосный год, то рыжие у власти...»	3
«Поспел горох — лушинные сорта...»	4
«Я с утра влюблён во всех прохожих...»	5
«На воздухе твердея, как стекло...»	6
«Мои вожди меня учили строгости...»	7
«Спят пчёлы в ульях. Нынче скуден мёд...»	8
«Так жизнь повернулась, однако...»	9
«Опять дожди зашелестели...»	10
«То тело, к которому я нынче живу...»	11
«Век закончен. И мелким дыханьем ребёнка...»	12
«...И снова закраснели лозняки...»	13
«...А по утрам в кагале электрички...»	14
«Ловцы теней, строители химер...»	15
«Жизнь, чего тебе, опомнись, дура?..»	16
«Давай уснём. Так тихо на земле...»	17
«Сиротство начиналось с Мелекесса...»	18
«Ещё не всё в моей судьбе...»	19
«Дожди, дожди и воздух несвободы...»	20
«Пауки заснули на камнях...»	21
«Мне семьдесят семь, я то сытый, то пьяный...»	22
«Я помнил цифры съездов и решений...»	23
«Нам нельзя быть счастливой страной...»	24
«Сухая гроза — молонья без дождя и без грома...»	25
«Прогнётся ветка, лист зашебуршит...»	26
«Жизнь прошла, как положено жизни...»	27
«Поэты пушкинской эпохи...»	28
«Ничего не умеет душа...»	29
«Депрессивные нынче погоды...»	30
«У времени опять весёлые глаза...»	31
«Я думал приятные мысли...»	32
«...И вот мой мир — с Горами впереди...»	33
«Мы все погрём. Хотя не в этом дело...»	34

«Лишь погляжу на жизнь мою...»	35
«Спиртовых яблок осень набросала...»	36
«Когда я выморгаю сон из глаз...»	37
«Июль. Смерканье. Ангельское время...»	38
«Ну вот я, старичок-боровичок...»	39
«Что ты мне ещё не досказала...»	40
«Третий Спас, и ласточки ушли...»	41
«Дымился луг под яростной грозью...»	42
«Опять летит пожухлая листва...»	43
«...И то сказать: я долго рос болваном...»	44
«Вот день, в котором небо лучших дней...»	45
«Какой-то дождичек убогий...»	46
«...Но как грохочет мой парад-алле!..»	47
«Когда река ночами остывает...»	48
«Довериться сменяемости дней...»	49
«Такая жизнь была, ей-богу!..»	50
«В холода у меня ничего не болит...»	51
«Мне врут часы, а я их укоряю...»	52
«Вечернее мерцание воды...»	53
«Блатняги с чёлочками злыми...»	54
«Из палочек сложить стихотворенье...»	55
«Ух, как же нас тыкали носом в дерьмо...»	56
«Опять закат, как медленная роза...»	57
«Не пишется мне в солнечные дни...»	58
«...А жизнь уже накрылась медным тазом...»	59
«Когда ушли из хора тенора...»	60
«Позёмка замела. Душе бездомно стало...»	61
«Я вышел во двор, встал от жизни на шаг...»	62
«Подобно пружи, налетели годы...»	63
«Вот-вот придёт скудение души...»	64
«Мы все подвержены порывам...»	65
«Язык лукав, а память коротка...»	66
«Земля лежит и отдыхает...»	67
«Не старость, нет, — ещё не те года...»	68
«Убежать бы от сложностей мира...»	69
«Этот дождик взаправду не злой...»	70

«Сместились дни и стали проще...»	71
«Наверно, лучше усреднённый быт...»	72
«Когда меня от счастья распирает...»	73
«С утра тепло, под вечер холодает...»	74
«Я дат не помню. Помню города...»	75
«Цветёт и то, чему цвести не надо...»	76
«Любое слово слышно на земле...»	77
«Жизнь порой малопонятна...»	78
«В ту пору я гляделся просто фертом...»	79
«Нынче солнце в тумане...»	80
«Я собою вас не беспокою...»	81
«Ветхий дом, веранда в две доски...»	82
«Пойду перечитаю Кабыш Инну...»	83
«Писать стихи — спасаться словом...»	84
«Когда мы были полная семья...»	85
«Мне больше нет ни голоса, ни зова...»	86
«Во дни младенческой печали...»	87
«Мне нынче жизнь особенно близка...»	88
«Герои занимались героизмом...»	89
«Когда невыносимой синевой...»	90
«Любовь была и перестала...»	91
«Всё с июлем до срока решилось...»	92
«Кумир ментов, таксистов и страны...»	93
«Как тесно в мире в непогоду...»	94
«...А я чурался непосильных тем...»	95
«...Но выходит, что жизнь получилась...»	96
«...А в свой сезон полураспада...»	97
«Посмотришь вдоль — крапива-лебедя...»	98
«Как день высок и небо нежно...»	99
«Во всю длину раскатаны ветра...»	100
«Мой ум, пытливый, но неточный...»	101
«Утром был незначительный снег...»	102
«Иду себе — не гневно и не кротко...»	103
«Стоять на заметённых полустанках...»	104
«Я непременно вскорости помру...»	105
«Молчит июль о чём-то нежном...»	106

«...А я тогда вопросы задавал...»	107
«День плескался золочёным светом...»	108
«Такие дни, что в них не заходи...»	109
«Уже раздеты и разуты...»	110
«Опять леса окинуты листвою...»	111
«Пришли ко мне хоть холуя с запиской...»	112
«Притяженье земли всё сильнее...»	113
«Старая сразу и бесповоротно...»	114
«Жизнь прошла, а судьба не успела...»	115
«Я поздним зреньем вижу дни...»	116
«Жизнь, конечно, обходится дорого...»	117
«О чём между собой беседуют коты?...»	118
«Уже я был, уже мне дали имя...»	119
«На детали я стал скуповат...»	120
«...И какая, ей-богу, нужна этим будням охрана?...»	121
«Я человек размашистых движений...»	122
«Снова птицы встанут на крыло...»	123
«Теперь пришла пора радикулита...»	124
«Устал я, с этим веком сволочась...»	125
«Архангел бычок погасил о подмётку...»	126
«У всего появляется смысл...»	127

Геннадий Русаков. Сроки

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 10.08.2018.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 8,25.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6040915-7-9

9 785604 091579

Геннадий Русаков родился в 1938 году в Воронежской области. Окончил Куйбышевское суворовское училище. Учился в Литинституте, после второго курса перешёл в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Работал переводчиком-синхронистом в Секретариате ООН в Нью-Йорке и Женеве. Первый сборник стихов «Горластые ветры» издан в 1960 году в Куйбышеве, затем – книги «Длина дыхания» (1980), «Время птицы» (1985), «Оклик» (1989), «Разговоры с богом» (2003), «Избранное» (2008), «Дни», «Увидеть ветер», «Сиротство начиналось с Мелекесса» (все – 2016). В 1989 году вышла книга переводов «Сонеты современников Шекспира». Лауреат Национальной премии «Поэт» (2014), премии Союза писателей Москвы «Венец» (2011), Русской премии (2017) и других.

ISBN 978-5-6040915-7-9

9 785604 091579